

Е. С. Макаревич (Беларусь, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СРЕДСТВА НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В СМОЛЕНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Признание антропоцентризма одним из основных принципов языкознания выдвигает изучение средств наименования человека в ряд актуальных проблем [8, с. 6]. В лексико-фразеологическом составе смоленских деловых памятников письменности наименования лиц занимают значительное место. Это объясняется тем, что такие тексты фиксируют содержание деятельности, субъектом и объектом которой был человек.

Для исследования фразеологических и фразеологизированных средств наименования лиц нами использовались смоленские памятники XV–XVII веков. Выбор источников и временного периода не случаен. Территория смоленского края являлась и является пограничной, на протяжении целых исторических эпох ее население находилось в тесных политических, экономических и общественных отношениях с белорусскими землями. Естественно, что такое продолжительное и интенсивное взаимодействие не могло не отразиться в словарном составе обоих языков.

Памятники делового письма привлекают внимание исследователей прежде всего тем, что в них отражен язык исследуемой эпохи, наиболее близкий живому разговорному языку. В лингвистической литературе существуют различные мнения по вопросу ценности памятников делового письма для изучения русского разговорного языка. Одни исследователи считают эти материалы ненадежным источником для описания живой разговорной речи. По их мнению, писцы того времени при составлении документов ориентировались на московские официальные бумаги и, следовательно, находились под влиянием московской орфографической школы [2, с. 3]. Однако большинство историков языка убедительно доказывают ценность деловых памятников для изучения разговорного языка. Анализ смоленских памятников деловой письменности XV–XVII вв. подтверждает это мнение. Более того, этот временной период является важным этапом формирования национальной формы старорусского и старобелорусского языков [8, с. 7].

Наша работа ведется в русле развивающегося регионально-исторического направления, которое изучает бытование различных языковых явлений в памятниках деловой письменности. При изучении языковых явлений отдельных регионов необходимо особое внимание обращать на экстралингвистические факторы: особенности

исторического развития, социального устройства, системы делопроизводства и др., так как все эти факторы отражаются в официальных документах [1, с. 6].

Материалом для исследования послужили опубликованные памятники письменности, созданные на территории Смоленского края в XV–XVII вв. Самые ранние памятники принадлежат началу XV века, однако их общее число невелико. Достаточно многочисленны памятники XVII века.

Нами изучены книги Болдино-Дорогобужского монастыря [4]. В этих книгах ярко отражена бытовая картина монастырской жизни [1, с. 11–12]. Ценный материал для исследования содержится в изданных Ю. В. Готье «Памятниках обороны Смоленска 1609–1611 годов». Это комплексный источник, включающий в себя расспросные речи, материалы уголовных дел, доносы, ропоты и побег, памяти и донесения, поручные записи, списки [3]. Интерес представляет и журнал «Смоленская старина», издаваемый смоленской ученой комиссией [6, 7]. В качестве источников использованы также «Акты Литовско-русского государства», изданные М. Довнар-Запольским, а также ряд челобитных, материалы судебных дел, смоленская крестоприводная книга 1598 г., грамотки XVII века и документы некоторых других жанров.

Различного рода отношения между русским и белорусским народами зафиксированы в документах, изданных в сборнике «Русско-белорусские связи (1570–1667 гг.)». В нем содержатся документы, характеризующие русско-белорусские торговые отношения: переговоры о торговле, статьи о торговле в договорных грамотах и записях о перемирии, переписка приказов с воеводами пограничных городов по вопросу торговли, проездные грамоты русских и белорусских купцов, явки товаров, расспросные речи купцов, конфликтные дела, челобитные и прочие документы [5].

Назначение памятников деловой письменности обуславливает большое количество в их составе фразеологизмов и фразеологических единиц социального, общественно-политического, социально-экономического содержания.

Более подробно охарактеризуем фразеологические и фразеологизированные единицы наименования людей. Это самая многочисленная группа, к ней относятся наименования лиц по профессии и роду занятий, в зависимости от характера исполняемых обязанностей или занимаемого положения в обществе, от социального и имущественного положения. Количество наименований людей варьируется в зависимости от типа документа. Так, в приходно-расходных книгах таких единиц значительно меньше, чем, к примеру, в «Памятниках обороны Смоленска», где собраны документы различных жанров, связанные с повседневной жизнью людей перед войной и в осадное время. В зависимости от типа документа различаются и

тематические группы наименований. Так, например, в приходно-расходных книгах Болдино-Дорогобужского монастыря присутствуют фраземы, относящиеся к духовной деятельности людей: *духовные дети* 'лица, приходящие на исповедь, по отношению к своему духовнику' [СлРЯ, т. 4, с. 383], *белый священник* 'священник не монах' [СлРЯ, т. 23, с. 220], *черной священник* 'монашествующий священник, иеромонах' [СлРЯ, т. 23, с. 220]. В документах, собранных в книге «Памятники обороны Смоленска», не встречаем подобных образований, поскольку эти документы в большинстве случаев военного содержания. Там находим названия *военские люди, служилые люди, ратные люди, стенные люди* 'лица, которые несли свою службу на крепостной стене', *ваеванные крестьяне* и под. Таким образом, употребление тех или иных фразеологических наименований людей напрямую зависит от содержательной направленности документа.

В проанализированных памятниках деловой письменности среди номинаций лиц выделяется много тематических групп. Одной из них являются названия людей по роду их занятий: *купецкие люди, торговый человек, деловые люди, ратные люди, служилые люди, конный человек, пашенные люди, приказные люди*. Отдельно можно выделить группу наименования людей по профессии / должности: *грунтовой рейтар* 'сапер' [СлРЯ, т. 4, с. 147], *таможенный староста, медовый зборщик* 'зборщик пошлины на мед', *полавочный зборщик* 'зборщик полавочной пошлины, за пользование торговой лавкой' [СлРЯ, т. 16, с. 190], *думный дьяк, житничный подъячей* 'писарь, состоящий при житнице' [СлРЯ, т. 5, с. 118], *площадной подячейшка* 'официальное лицо, составлявшее на торгу, площади челобитные, документы, закрепляющие частные сделки, и т. п.' [СлРЯ, т. 15, с. 109], *пятницкою диакон, медвеный целовальник, врадник судовый* и др. Данная тематическая группа представлена большим количеством названий людей различных должностей: приблизительно 30 наименований различных профессий, и перечислить все в рамках этого материала не представляется возможным. Отметим, что названия многих должностей возникли во время бытования старорусского языка, а некоторые были заимствованы из других языков. Например, наименование грунтовой рейтар отмечено в Словаре русского языка XI–XVII вв. со значением 'сапер?' [СлРЯ, т. 4, с. 147], но само слово *рейтар* заимствовано из немецкого языка и обозначает *Reiter* – *всадник*. Видимо, в новой языковой среде у слова *рейтар* в сочетании с прилагательным *грунтовой* появилось и другое значение.

Значительное количество фразеологических и фразеологизированных единиц входит в группу, которую можно обозначить как наименования людей по выполняемым ими повинностям и выплачиваемым податям. В эту группу входят следующие единицы: *подымные люди* 'люди, с которых собиралась подымная подать' [СлРЯ, т. 16, с. 85], *даточные люди* 'люди, отданные в

военную службу за тех владельцев поместий, которые не могли служить сами' [СлРЯ, т. 4, с. 177], *сошные люди* 'население, платившее налоги и исполняющее повинности сообща, общиной' [СлРЯ, т. 26, с. 272], *подъемные люди* 'люди, выставляемые в порядке повинности гражданским населением для несения военной службы во время войны' [СлРЯ, т. 16, с. 79], *посацкий человек* 'сословие средневековой России, в обязанностях которого было нести тягло, то есть платить денежные и натуральные подати, а также выполнять многочисленные повинности' [СлРЯ, т. 17, с. 153] и другие.

В следующую группу проанализированных нами наименований входят фраземы, обозначающие людей по принадлежности их к определенной территории или к владельцу. Сюда относятся *московские люди, литовские люди, подмосковные люди, королевские люди, дворцовые крестьяне* 'значит принадлежащие дворцу как административно-хозяйственному центру' [СлРЯ, т. 4, с. 194], *архиепископли крестьяня, кабальный человек* 'несвободный человек, принадлежавший владельцам на основании юридического документа – кабалы или крепости' [СлРЯ, т. 8, с. 342], *понизовные люди, воеводные сироты, посторонние люди* 'не свой, чужой' [СлРЯ, т. 17, с. 248] и *свои люди* 'в документах значение местоимения **свой** связано с местом жительства и / или происхождения' [СлРЯ, т. 23, с. 190], *прихожий человек* 'пришлый, иноземный' [СлРЯ, т. 20, с. 71].

Наименования людям давались не только исходя из их должности или вида деятельности, но и по занимаемому общественному положению и имущественному состоянию. В качестве примера приведем несколько слов: *имянитые гости* 'почтенные, уважаемые, знатные или известные люди' [СлРЯ, т. 6, с. 227], *добрые люди* 'богатые, почтенные, знатные люди' [СлРЯ, т. 4, с. 270], *люди малые, простые люди* 'низший слой свободного населения' [СлРЯ, т. 8, с. 343].

Кроме приведенных нами наименований в смоленских памятниках деловой письменности встречаются единицы, не вошедшие ни в одну из данных тематических групп. Мы старались приводить наиболее часто употребляемые единицы, а также те, которые не нашли отражения в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Как показывает анализ, большинство наименований профессий / должностей людей, зафиксированных в памятниках смоленской письменности, относятся к числу старорусских новообразований. Из всех названий профессий только слово *дьяк* известно примерно с XIII века, но все разновидности этой должности появились в более поздний период с образованием приказов и развитием делопроизводства на Руси.

Таким образом, исследовав языковой материал смоленских памятников письма, приходим к выводу, что названия лиц – значимый пласт в системе номинативных средств старорусского языка. Он значителен по объему, подвижен по составу [8, с. 14]. Изучение

фразеологических и фразеологизированных средств наименований людей приводит к заключению о том, что перед нами развитая система, сложившаяся в процессе исторического развития. Эта система включает в себя названия лиц по профессии, по должности, названия, содержащие сословно-имущественные характеристики лиц, названия людей, занимающихся определенным видом деятельности, названия духовенства и названия жителей по выполняемым повинностям.

Сокращения

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. Г. А. Богатова. – М.: Наука, 1975–2000. – Вып. 1–24.

Литература

1. Борисова, Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности / Е. Н. Борисова / М-во просвещения РСФСР. Смол. гос. пед. ин-т им. К. Маркса. – Смоленск, 1974. – 161 с.
2. Королева, И. А. Глагольная синонимия в языке смоленской деловой письменности конца XVI–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Королева Инна Александровна. – М., 1990. – 17 с.
3. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / под ред. Ю. В. Готье // ЧОИДР. – М., 1912. – Кн. 1.
4. Приходно-расходные книги Болдино – Дорогобужского монастыря // РИБ. – Т. 37. – Пг., 1923. – 310 с.
5. Русско-белорусские связи: сб. документов (1570–1667) / редкол.: Л. С. Абецедарский (отв. ред.), М. Я. Волков. – Минск: Высш. школа, 1963. – 534 с.
6. Смоленская старина. – Вып. 1.– Ч. 2. – Смоленск, 1911. – 178 с.
7. Смоленская старина. – Вып. 3.–Ч. 1. – Смоленск, 1914. – 216 с.
8. Трофимович, Т. Г. Фразеологизированные средства номинации в Уложении 1649 г.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т. Г. Трофимович. – Минск, 1981.